

положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2822.

⁸ Федеральный закон от 20.03.2001 № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 13. Ст. 1140.

⁹ См.: Вестник МВД России. 2004. № 2/3. С. 28–30.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П по делу о проверке конституционности положений статей 237, 413, 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

*Н.Н. Ковтун**

«СЛЕДСТВЕННЫЙ СУДЬЯ» ИЛИ «СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ»: СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ РЕФОРМА ТРЕБУЕТ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ТЕРМИНАХ¹

Дискуссии о необходимости введения в уголовное судопроизводство России фигуры судебного следователя или следственного судьи, перманентно возникающие в российской уголовно-процессуальной доктрине почти в строгом соответствии с (перманентно) озвучиваемыми намерениями высших органов государственной власти о необходимости продолжения (углубления и т. п.) судебной реформы², выявили, на наш взгляд, достаточно интересную тенденцию. И суть ее даже не в том, что одни исследователи активно настаивают на необходимости введения в российский уголовный процесс указанных выше субъектов, а другие — не только не видят в этом особой нужды, но и усиленно отстаивают негативные последствия подобных новаций.

Суть проблемы, прежде всего, видится в том, что нередко исследователи либо не могут методологически точно определиться в предмете спора, либо, приводя в качестве аргументации те или иные весомые доводы, не принимают во внимание, что они в принципе не относятся к отстаиваемым или предлагаемым тезисам.

Не определившись изначально в терминах и сути спора, законодателью, соответственно, предлагают то ввести в уголовное судопроизводство России судебного следователя («по французскому образцу»), то следственного судью (по образцу «германскому»). В итоге порой невозможно понять: нам предлагают реформировать органы предварительного

* © Ковтун Н.Н., 2010

Ковтун Николай Николаевич — доктор юридических наук, профессор НФ Государственного университета — Высшей школы экономики

следствия в соответствии со столь заманчивой идеей создания единого независимого федерального органа расследований или речь идет о модернизации оперативного судебного контроля в уголовном процессе, отчасти не оправдавшего тех целей и задач, как они виделись по Концепции судебной реформы в стране.

К примеру, А.П. Гуськова, В.А. Емельянов и А.А. Славгородских, обсуждая в исследуемом контексте проблемные вопросы реформирования досудебного производства России, достаточно уверенно пишут о том, что в Российской империи (до октября 1917 г.) конструкция предварительного следствия была построена по такой схеме, что в центре досудебного производства был следственный судья³. Подчеркнем — именно следственный судья, хотя, как известно, одной из наиболее принципиальных новелл великой судебной реформы 1860–1864 гг. было введение в уголовное судопроизводство России как раз судебного следователя.

Казалось бы, формальная, по сути, описка, ибо, судя по контексту дальнейших рассуждений и доводов, указанные авторы в качестве непосредственного предмета исследования избрали все же процессуальные полномочия следственного судьи, апеллируя в том числе к процессуальному положению судьи участкового суда, действительно именуемого в германском уголовном процессе как следственный судья. Именно данный судья призван, в частности, решить судьбу постановления о заключении лица под стражу (оставить его в силе, отменить или предоставить отсрочку исполнения данного постановления), т. е. реализовать те процессуальные полномочия, которые в российском уголовном процессе отнесены к исключительному ведению оперативного судебного контроля.

Таким образом, казалось бы, «обретенная» определенность в предмете исследования требовала в дальнейшем исследования и (соответствующих) аргументов именно применительно к данному направлению развития судебной реформы в Российской Федерации. Однако буквально в следующем абзаце работы авторы, ссылаясь в том числе на работы И.Я. Фойницкого, вновь возвращаются к исследованию тех или иных полномочий судебного следователя, выступающего в пореформенном русском уголовном процессе исключительно в качестве субъекта предварительного расследования, призванного всецело к реализации его непосредственных задач.

Соответственно, обращаясь в дальнейшем к стратегии современного развития судебной правовой реформы в Российской Федерации, они суммируют промежуточный вывод о том, что концептуальные идеи, нашедшие отражение в Федеральном законе № 87-ФЗ от 5 июня 2007 г., есть первые шаги по решению насущных проблем преобразования рос-

сийских следственных органов. Векторы подобного преобразования им правомерно видятся в том, чтобы на основе смешанного французского типа уголовного процесса ввести в досудебное производство России судебное следствие.

И уже чтобы совсем не осталось сомнений в сути их итоговых выводов и (высказанных) предложений, авторы резюмируют: «...реформирование предварительного расследования необходимо для создания такой системы, где производство следствия должно проводиться под руководством судебной власти специализированными следственными судьями (выделено мной. — *Н.К.*), или, по-другому, судебными следователями, которые должны состоять при суде и представлять собой судебную власть»⁴.

В итоге в контексте последнего вывода все также актуальным остается вопрос: о чем речь?

Нет необходимой методологической точности и в (отдельных) учебных изданиях, казалось бы, по самой своей сути призванных правильно ориентировать обучаемых в этих моментах. Вот что, к примеру, мы читаем в одном из учебников, одобренных к использованию в учебном процессе УМО по юридическому образованию РФ: «Следователь — яркий представитель континентальной системы уголовного судопроизводства. Так, во Франции он именуется следственным судьей, в ФРГ и Австрии — судебным следователем»⁵. Между тем, на наш взгляд, применительно к названным странам выглядит все как раз наоборот.

Эта двойственность подходов при определении функциональной характеристики указанных выше субъектов в той или иной мере присуща и иным исследователям. Ю.В. Дерিশеву, например, в контексте обсуждения судебной реформы представляется и предпочтительным, и отвечающим требованиям принципа состязательности в уголовном процессе введение при судебном ведомстве должности **следственного судьи**, причем как для организации функции контроля за производством предварительного расследования в форме сокращенного производства, так и для предварительного следствия. Последнее при этом должно осуществляться лишь по тяжким и особо тяжким преступлениям **судебным следователем**, полномочным также осуществлять подобный контроль за законностью полицейского дознания по делам, по которым обязательно производство предварительного следствия⁶.

Как видим, аналоги к процессуальному положению и полномочиям следственного судьи, прежде всего по уголовно-процессуальному законодательству Франции, в позициях указанных авторов достаточно очевидны. Не менее очевидно и то, что авторы не до конца определились в предмете исследования — что конкретно предлагается реформировать: предварительное следствие или оперативный судебный контроль.

Между тем, несмотря на то что и первое, и второе направление деятельности в современном российском уголовном процессе действительно нуждаются в модернизации, они по самой своей сути имеют разные цели, задачи, субъектов и процессуальную форму. Эклектическое соединение в статусе одного и того же (публичного) субъекта правовых отношений одновременно полномочий и следователя, и органа судебной власти, осуществляющего независимый судебный контроль за законностью и обоснованностью основных актов предварительного расследования, не даст результата ни «реформированному» подобным образом следствию, ни независимому судебному контролю.

Нам могут возразить, что именно на этих исходных началах основан процессуальный статус судебного следователя (следственного судьи) ряда стран континентальной системы права, ибо, к примеру, во Франции (Бельгии и т. д.) следственные судьи — это, прежде всего, органы предварительного следствия первой инстанции. Немецкий участковый судья, как справедливо указывает А.В. Смирнов, также прежде всего есть судья-дознатель, и главная его задача — производство следственных действий⁷. И тот, и другой непосредственно участвуют в доказывании, внося в него элемент состязательности и элемент достоверности судебных доказательств, предотвращая тем самым большинство из возможных конфликтов между сторонами в суде первой инстанции. Это действительно так. Более того, это может и должно обсуждаться, но, подчеркнем, исключительно в контексте круга проблем и вопросов, связанных с реформированием органов предварительного следствия России.

Что же касается проблем реформирования оперативного судебного контроля, оговоримся столь же принципиально и ясно, что надо раз и навсегда оставить затеи, связанные с соединением в едином (публичном) органе функций расследования и одновременно независимого и эффективного контроля за ним.

Отчасти именно в этом контексте (вполне «работающий») французский уголовный процесс, как известно, подвергся радикальному пересмотру законом от 15 июня 2000 г. № 2000-516 «О защите презумпции невиновности и прав потерпевших», согласно которому часть полномочий судебного следователя перешла к судье по свободам и заключению. Именно последний, во-первых, стал еще одним судебным органом, контролирующим судебного следователя, как субъекта расследований. Во-вторых, исключительно данный судья как самостоятельный субъект уголовно-процессуальной деятельности имеет полномочия, которые носят сугубо судебный, а не следственный характер. Если по аналогии, то речь в первую очередь идет об оперативном судебном контроле, российские истоки которого закреплены в нормах ч. 2—3 ст. 29 УПК РФ.

Примерно в том же контексте германского участкового судью именуют «судьей за арестами», и именно этот срез его полномочий особо принципиален для нас в контексте исследования вопроса о том, что именно и в каком направлении следует реформировать. Не менее принципиальны для нас и подходы законодателя Латвии, где функции следственного судьи направлены именно к обеспечению конституционных прав и свобод личности в уголовном процессе, а не к собиранию доказательств и подготовке следственных материалов для суда.

В данной связи и более точными, и методологически верными для нас являются подходы тех исследователей, которые изначально определились в терминах и целях исследования, не смешивая в едином предмете необходимость реформирования как органов и форм предварительного следствия, так и (теми же средствами) оперативного судебного контроля.

Современное уголовное судопроизводство России, определившее введение судебного контроля в досудебных стадиях, — пишет, к примеру, Н.Г. Муратова, — предполагает возможность и необходимость введения в систему судебных органов новой должности — следственного судьи, который мог бы осуществлять все формы судебного контроля в досудебном производстве⁸.

Еще ранее эти подходы были обоснованы в работах И.Ф. Демидова, настаивающего на создании института именно специализированных органов судебной власти — федеральных следственных судей, осуществляющих исключительно функцию оперативного судебного контроля. При этом данные судьи, как он полагал, должны быть полностью освобождены от полномочий по отправлению правосудия в суде любой из инстанций⁹.

К сторонникам идеи создания специализированной судебной системы в виде аппарата следственных судей, к компетенции которых надлежит отнести разрешение вопросов, касающихся ограничения конституционных прав граждан, нарушений прав участников уголовного судопроизводства на защиту, обжалование незаконных действий при применении мер процессуального принуждения, относится и А.С. Сбоев¹⁰. «Следственный судья» должен быть «за штатом» ныне существующего судейского корпуса; быть скорее параллельной структурой и именоваться «судьей-контролером»¹¹.

Достаточно обозначены в российской уголовно-процессуальной доктрине и основные средства, посредством которых возможна реализация обсуждаемых новаций. Во-первых, следует обеспечить такую организационную автономность следственного судьи от иных органов, отправляющих правосудие, которая, с одной стороны, в принципе исключала бы возможность воздействия на него, в том числе посредством отмены принятых им решений или формулирования а priori обязательных для ис-

полнения указаний; с другой стороны, обеспечивала бы действительно своевременный и объективный контроль за законностью и обоснованностью принимаемых им актов. Во-вторых, следственный судья должен быть в принципе отстранен от дальнейшего участия в отправлении правосудия в судах любой из инстанций, ибо при буквально навязанной российской уголовно-процессуальной доктрине проблеме «внутреннего предрешения вопроса о виновности...» он не сможет быть объективным арбитром ни в оперативном судебном контроле, ни в суде первой инстанции. В-третьих, не менее остро, полагаем, встанет вопрос о преюдициальной силе решений следственного судьи (например, по вопросу о допустимости доказательств...) при разрешении того же уголовного дела по существу.

Возможны, конечно, и иные проблемы, которые (со временем) придется решать. Это, повторимся, не предмет настоящей работы, ибо, вступая в дискуссию, мы настаиваем (на первых порах) хотя бы на методологической точности терминов и понятий как относительно спора, так и возможных реформ. «Следственный судья» и «судебный следователь» – разные, по сути, субъекты, и исследовать их полномочия, видимо, надо в разных работах.

Примечания

¹ Работа подготовлена при содействии научно-исследовательского гранта ГУ-ВШЭ «Учитель – Ученики» 2010–2011 гг. № 10-04-0012.

² Данная идея, к примеру, была ясно озвучена еще в 2003 г. на встрече В.В. Путина с представителями правозащитных организаций и правоохранительных органов. См.: Российская газета. 2003. 10 декабря.

Она же стала предметом обсуждения в рамках круглого стола «Правовые механизмы противодействия пыткам, насилию и другим злоупотреблениям властью на досудебной стадии уголовного производства» (Государственная Дума РФ, 16 мая 2005 г.); в ходе общественных слушаний «Гражданское общество и судебная реформа», проведенных Советом при Президенте Российской Федерации по содействию и развитию институтов гражданского общества и правам человека 11–12 февраля 2005 г. См.: ; и др.

³ См.: Гуськова А.П., Емельянов В.А., Славгородских А.А. Проблемные вопросы реформирования досудебного производства России // Российский судья. 2008. № 4.

⁴ Там же.

⁵ См.: Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник. М.: ЭКСМО, 2009. С. 135.

⁶ См.: Деришев Ю. Следственный судья в досудебном производстве // Уголовное право. 2004. № 3. С. 79–80; Он же. Проблемы организации досудебного производства по УПК РФ. Омск, 2003.

⁷ См.: Смирнов А.В. Предисловие // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб., 2003. С. 21–22.

⁸ См.: Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 10, 23.

⁹ См.: Демидов И.Ф. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса //

Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы: материалы конференции. М.; Тюмень, 1995. С. 24.

¹⁰ См.: Сбоев А.С. Механизм судебного контроля в досудебном производстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 18.

¹¹ См.: Сафонов Э.Е. Механизм реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в военном суде: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2003. С. 39.

*Н.С. Карпов**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО РОЗЫСКУ ЛИЦ, СКРЫВАЮЩИХСЯ ОТ СУДА И СЛЕДСТВИЯ (ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ, РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Одним из направлений в деятельности следственных подразделений является розыскная работа по установлению местонахождения скрывшихся от следствия обвиняемых. Изучение особенностей данной деятельности следователя и ее объектов применительно к розыску обвиняемых — одна из актуальных проблем, так как недостаточно эффективная работа органов следствия и дознания в этом направлении дискредитирует принцип неотвратимости наказания за совершенное преступление. В связи с этим актуальность совершенствования организации деятельности следователя по приостановленным уголовным делам имеет большое теоретическое и практическое значение.

Статистика показывает, что в последнее время в Украине, Республике Казахстан и Российской Федерации (РФ) возросла доля уголовных дел, приостановленных в связи с нерозыском лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, что препятствует восстановлению нарушенных преступными посягательствами прав и законных интересов граждан, осложняет оперативную обстановку¹.

Учитывая то, что розыскная деятельность составляет функцию оперативно-розыскных органов, органов дознания и досудебного следствия, при рассмотрении данной темы необходимо проводить разграничение функциональных обязанностей в пределах правоохранительных органов. Так, одна часть розыска принадлежит к оперативно-розыскной деятельности и имеет целью установление и выявление объектов розыска, а вторая его часть, присущая органам досудебного следствия, связана с решением задачи выявления уже установленных объектов розыска.

* © Карпов Н.С., 2010

Карпов Никифор Семенович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Киевского национального университета внутренних дел